

ЧУЖИЕ РОЗЫ

Всю дорогу ей кружил голову запах мелькающих по обочинам желтых дроков. Ближе к Ялте стали попадаться розы, еще совсем свежие в эту пору. Позднее лепестки выгорят на солнце, как за долгую жизнь выгорают глаза у стариков, но в июне краски здесь яркие, воздух прозрачен, а красота природы столь совершенна, что не вызывает печали и воспоминаний о несбывшихся мечтах, как это часто бывает от соприкосновения с прекрасным.

Розы Лидочке Нелидовой нравились больше других цветов, можно сказать, она питала к ним слабость. Когда после спектакля поклонники дарили ей розы, она, тут же, на сцене, погружала в них усталое, еще отрешенное от обыденности лицо, смыкала измученные светом софитов веки, делала глубокий вдох и на мгновение переносилась в Крым. Там, среди можжевельников, она мысленно сбрасывала усталость, пережитое, а, когда заново обретала себя в театре, публика видела сияющие глаза актрисы и снова и снова награждала ее аплодисментами. А она, кланяясь, отводила далеко назад трепетные руки, потом прижимала пальцы к губам и посылая поцелуй в зал - ах, как она их всех любила!

Крым действовал на Лидочку благотворно, но отдыхать ей доводилось не часто. Только выберется к морю после очередного театрального сезона - вызывают то на озвучивание фильма, то на кинопробу, то на съемку. Она никогда не отказывалась. Сначала потому, что такая жизнь давно была ее мечтой, да и необходимо брать, хватать, пока дают, пока есть силы, молодость, чтобы не упустить своей волны, которая в каждой творческой биографии - лишь одна.

Потом, когда Нелидова завоевала режиссеров, публику, популярность и даже получила звание, ее несла вперед ненасытная жажда играть и играть, которая с годами не только не проходила, но становилась сильнее. Лида засыпала с новым сценарием или ролью в руках и просыпалась с одной мыслью, делавшей ее счастливой: я - актриса!

С одинаковым упоением она воплощала на подмостках все характеры и все возрасты - от подростков до старух, в чем ей помогала благодарная сценическая внешность, или, как говорят в театре, фактура. Она была худой, но не той худобой, которая заставляет женщину сутулиться и судорожно натягивать на костлявые коленки юбку. Тело у Лидочки было закаленное, слабое только с виду, но железное на ощупь, иначе в такой профессии не выжить. Лицо ей досталось крупное, с высоким лбом, большими глазами, с веками, удобными для наклейки ресниц - в общем, хорошо приспособленное для грима. Голос - грудной и тремолирующий, с чуть заметной модной хрипотцой.

Амплуа ее, казалось, не имеет границ. Роли, порой самые неожиданные, получались неизменно, и всякая последующая - лучше предыдущей. Так не бывает, но так было.

Только, божий дар, помноженный на каторжный труд, и мог проложить ей дорогу в большое искусство. Ибо не получила она в наследство ни денег, ни метра жилплощади, ни мамы - ведущей актрисы, ни папы - известного режиссера или, на худой конец, театрального администратора. Лида всего в жизни добилась собственным трудом и, следовательно, ценила достигнутое.

Она приехала покорять Москву в сельповской юбке и белой кофточке, оставшейся от пионерской формы. Семнадцать лет прожила с матерью на железнодорожном разъезде, таком убогом, что наверняка не один городской житель, проезжая мимо, думал со смешанным чувством превосходства и благородного сочувствия: "Вот ведь, где только люди ни обитают!"